

- [профессор А. П. Лопухин ](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
- [Примечания](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [*](#)
  - [**](#)

Введение

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#)

В ряду исторических книг Ветхого Завета после книги Судей в греческой (LXX), латинской (Vulg.) и славяно-русской Библии помещается книга Руфь (LXX: Ρούθ, Vulg.: Ruth). «Восьмая книга Ветхого Завета»: *Руфь* называется так потому, что содержит историю Руфи. Руфь была родом моавитянка; но отказавшись от родства и отеческого суеверия, она обратилась к истинному Богопочитанию и переселилась в Вифлеем Иудейский; там сочеталась браком с Воозом, из колена Иудина. От нее производится родство Давида таким образом: Вооз от Руфи родил Овида, Овид – Иессея, Иессей – Давида» (Синописис Афанасия). В еврейской же Библии кн. Руфь стоит в третьей части ветхозаветного канона – в разделе агиографов, «кетубим», занимая в ряду их пятое место (после кн. Псалмов, Притчей, Иова и Песни Песней). Последнее положение кн. Руфь в Библии, надо думать, было первоначальное; помещение ее в греческой Библии между книгами Судей и Царств могло быть вызвано тем, что описанное в

ней происшествие относится ко времени Судей, а по указанному отношению Руфи к Давиду книга является, по блаж. Августину (Христ. наука, кн. 2, гл. 13), началом или преддверием к книгам Царств, изображающим историю царского дома Давидова; притом присоединением книги Руфь к кн. Судей (как кн. Плач Иеремии к кн. Пророка Иеремии) достигалось общее число книг Ветхого Завета 22 (равное числу букв еврейского алфавита), принимаемое И. Флавием («О древности иудейского народа» – Против Апиона I, 8), иудейскою синагогою и некоторыми учителями церкви (Ориген, блаж. Иероним, св. Епифаний)¹.

Характерное отличие книги Руфь от других книг библейских состоит в том, что содержание одинаково чуждо как основному руслу исторической жизни Израиля, изображаемой в исторических и пророческих книгах Ветхого Завета, так и вдохновенному умозрению и священно-лирическому излиянию вечных чувств человеческого сердца в книгах учительных (Псалмы, Притчи, кн. Иова, Песнь Песней, Екклезиаст): книга Руфь переносит читателя в тесный круг древнееврейской семьи, необычайно живо и привлекательно изображая судьбу, испытания и нужду, а равно добродетели и конечное прославление главного действующего лица – моавитянки Руфи, через брак с вифлеемлянином Воозом вошедшей в народ Божий и удостоившейся быть прабабкой царя Давида. По характеру содержания, по отчетливости характеристик и способу изложения книга Руфь напоминает разве некоторые сцены из жизни патриархов книги Бытия; по внешней форме ее справедливо называют древнееврейским рассказом из сельского быта, идиллической семейной картиной, полной самой искренней простоты и наивности. При всем том кн. Руфь в двух пунктах соприкасается с общеизраильской историей: в исходном пункте рассказа – удалении еврейской семьи вифлеемлянина Елимелеха в землю моавитскую вследствие постигшего страну евреев голода ([Руф.1:1–2](#)), а еще более – в конечном – родословии царя Давида ([Руф. 4:17–22](#)) – в конце книги (ср. [1Пар. 2:5–10](#)), какое родословие со включением имени Руфи внесено и в евангельское родословие Господа ([Мф. 1:4–6](#)). Эта историческая черта книги – связь с генеалогией Давида (нарочито оттеняемая в ([Руф. 4:17](#))) – была причиной внесения книги Руфь в ветхозаветный канон; а так как Давид был праотцом Иисуса Христа и родословие Давида есть необходимая часть родословия Спасителя, то очевидна важность книги Руфь и с новозаветной точки зрения, со стороны исторических основ христианства. В этом смысле блаженный Феодорит на вопрос «для чего

написано сказание о Руфи?» отвечает: «во-первых, ради Владыки Христа; потому что от Руфи произошел Он по плоти. Почему и божественный Матфей, пиша родословие, миновал знаменитых добродетелию жен Сарру, Ревекку и других, упомянул же о Фамари, о Рааве, о Руфи и даже о жене Урииной, вразумляя сим, что едиnorodный Божий Сын вочеловечился ради всех человеков, и Иудеев, и прочих народов, и грешных и праведных» (Отв. на вопр. I на книгу Руфь, рус. пер., М., 1855. с. 313, ср. блаж. Иеронима Стридонского. Четыре книги толкований на Евангелие Матфея. Творен., ч. 16-я рус. перев. Киев. 1901, с. 7). Вместе с тем, по блаженному Феодориту, «хотя и ради Владыки надлежало быть написанным сказание о Руфи, однако же история эта и сама по себе достаточна к тому, чтобы принести всякую пользу умеющим пользоваться подобными повествованиями; потому что описывает нам тяжкие несчастья и достохвальное терпение Ноемини, целомудрие и любовь к свекрови ее невесток, преимущественно же Руфи, которая, по сердечному благочестию и в память супруга, престарелую и дряхлую женщину предпочла родителям. Показывает также история сия и добродетель Вооза» (вопр. I на кн. Руфь, с. 314–315). Вообще, «изложение и композиция в этом рассказе просты и наглядны, отличаются таким эпическим тоном, что совершенно ошибочно и неосновательно относить сочинение книги к имевшему преимущественно законодательный характер времени после плена, так как ведь все в ней ясно свидетельствует о первоначальной поре еврейской семейной жизни». Так, напрасно усматривали в книге Руфь тенденцию поддержать обязательность левиратного (ср. [Втор. 25:5–10](#)) брака (Benary, De hebraeorum leviratu, 1835; Bertholdt, Enleitung...): если и действительно брак Руфи с Воозом ([Руф. 2:20, 4:10–17](#)) был левиратным (лат. levir – деверь) в древнееврейском смысле ([Быт. 38:7–11](#)), (ср. [Втор 25:5–10](#)) – хотя, строго говоря, он не может быть назван так, потому что Вооз не был братом умершего мужа Руфи, – то во всяком случае эта черта является совершенно случайной в повествовании книги и с главной нитью рассказа в существенной связи не стоит. Равным образом нельзя видеть в книге Руфь со многими исследователями (Geiger, Urschrift u. Übersetzungen der Bibel, 1857, s. 49 ff, Bertholet, Stellung der Israeliten z. Fremden, s. 145 ff; Graetz, Geschichte der Juden II, 2, s. 136 ff; Nowack, Handkommentar z. Aalen Test. Richer – Ruth, 1900, s. 184–185 и др.) протест против после пленного ригоризма Ездры ([1 Езд. 9–10](#)), Неемии ([Неем. 13:23–31](#)) и их единомышленников, не допускавших браков иудеев с иноплеменницами, причем, предполагается, пример великой праматери великого Давида, Моавитянки Руфи был наилучшим обличением неправоты тех ревнителей

буквы закона ([Втор. 23:3](#); [Исх. 34:16](#)). Но, независимо от искусственности предположения такого протеста, после пленное написание книги Руфь невероятно уже по самому, выше показанному, характеру ее содержания и изложения; не доказывают столь позднего происхождения книги Руфь и помещение ее в 3-й части ветхозаветного канона (вопреки мнению Uatke, *Histor. – Kritisch. Einleitung in d. A. T.*, 1886, 438 ff. и др.), так как в этой части находятся книга Псалмов, Притчей и др. допленного происхождения, как не доказывают того и встречающиеся в еврейском тексте книги халдеизмы, имеющие место и в древнейших библейских книгах. Напротив, за древнее происхождение книги Руфь, именно при первых царях еврейских, говорят следующие данные самой книги: 1) образ выражения ([Руф. 1:1](#); ср. [Суд.19:1](#)) «в те дни, когда управляли судьи...» показывает, что происшествия, описываемые в книге из времени Судей, не слишком далеко отстояли от времени священного писателя книги; 2) родословие в ([Руф. 4:17–22](#)) доводится только до Давида; если бы написание книги относилось к более поздней эпохе периода царей, то ничто не мешало бы внесению имен царственных потомков Давида (после же плена вообще не было смысла в изображении родословия одного Давида); 3) только в отношении Давида имел значение подробный рассказ книги о прамати Давида; не без основания указывают при этом на случай из жизни Давида ([1Цар. 22:1–3](#)) (во время преследований Саула Давид помещает своих отца и мать у Моавитского царя), показывающий, что воспоминание о Моавитском происхождении прамати Давида было свежим как у него самого, так и у его современников. Авторитет LXX-ти, поместивших книгу Руфь в библейском кодексе непосредственно за книгою Судей и перед 1 кн. Царств, а равно и свидетельство Талмуда (тракт. *Baba-Batra* 14, b.), что писателем книги Руфь был Самуил, убеждает нас, что «написание книги принадлежит времени царя Давида и сделано одним из бывших тогда пророков»².

**профессор А. П. Лопухин **

Толковая Библия

Толкование на книгу Руфь

Глава 1

1–6. Переселение вифлеемлянина Елимелеха с семьей в землю моавитскую и бедствия, постигшие там эту семью. 7–22. Возвращение Ноемини с невесткой Руфью в Святую землю и прибытие их в Вифлеем.

[Руф.1:1](#). В те дни, когда управляли судьи, случился голод на земле. И пошел один человек из Вифлеема Иудейского со своею женою и двумя сыновьями своими жить на полях Моавитских.

Время описанных в книге Руфь событий определяется общими и неопределенными датами: «когда управляли судьи», т.е. в один из моментов периода Судей (обнимавшего, по [Деян. 13:20, 450](#) лет), – и когда: «случился голод на земле» (т.е. в Палестине, земле Израиля), многократно посещавший Святую землю в библейские времена (напр., [Быт. 12:10, 26:1, 45:6](#); [2Цар. 21:1](#)). Обе даты имеют не столько хронологический смысл, сколько указывают на характер времени Судей, на отсутствие тогда у евреев централизованной власти государственной (ср. [Суд. 17:6, 18:1, 19:1, 21:25](#)), когда каждый член народа был предоставлен себе самому и в пору общественных бедствий – голода (как здесь), неприятельских набегов и т.п., должен был действовать на свой страх, сам обеспечивая себе благополучие (ср. [Суд. 18:1](#)); подобным образом и поступает здесь Елимелех, оставляя родной Вифлеем и удаляясь с семьей на чужбину, в землю моавитскую, «чтобы пожить (там) в качестве пришельца» (еврейский глагол *gur*, ср. [Быт. 12:10, 19:9, 20:1](#); [Суд. 17:7, 19:1](#); [Плач. 4:15](#)), отсюда «ger» – пришелец, прозелит). Раввинское толкование справедливо порицает Елимелеха за оставление своих «собратьев» (сограждан, единоплеменников), усматривая в злключениях и смерти Елимелеха на чужбине Божественное наказание ему за оставление святой земли (D. Midrasch Ruth Rabba, in deutsch. ubertragen v. A Wunsche, Leipzig, 1883, s. 15). Напротив, раввинские попытки определения времени переселения Елимелеха произвольны и неудачны, напр., полагали это событие на время Варака и Деворы ([Суд. 4–5](#), причем в «судьях» (*schophetim*) [Руф. 1:1](#) видели указание на Девору, Варака и Иаиль), – на время судьи Аода ([Суд. 3:15–30](#)), в современнике которого Еглоне, царе моавитском, видели отца моавитянки Руфи; относили также ко времени судьи Есевона (преемника Иеффая), с которым отождествляли Вооза, на том основании, что оба жили в Вифлееме ([Руф. 2:1–4](#), ср. [Суд.12:8, 10](#)) и т.д. (Midr. Ruth Rabba, s. 10. 19). В действительности единственной точкой

опоры для установления времени описываемых в кн. Руфь событий может быть только родословие Давида, приведенное здесь ([Руф. 4:17–22](#)): по нему Давид был правнук Вооза и Руфи через Овида и Иессея, следовательно, период времени, протекший от событий книги Руфь, равен приблизительно ста с лишним годам, что подтверждается и свидетельством Иосифа Флавия, который относит переселение Елимелеха (Ἀβιζέλεχος, по Иосифу Флавию) к годам правления судии и первосвященника Илия (Иудейские Древности V, 9, 1–4). – Вифлеем (евр. Bet-lechem – «дом хлеба»), прежде ([Быт. 35:16, 19, 35:7](#)) называвшийся Ефрафа (евр. Ephratah – «плодоносная»), но и впоследствии сохранявший древнейшее название с синонимичным ему по значению позднейшим ([Руф. 4:11](#); [Мих. 5:2](#)), лежал, судя уже по названию, в одной из самых плодородных местностей Палестины; по Евсевию и блаж. Иерониму, в 6 римских милях, т.е. около 8 верст (римская миля равна 694 саж.), к югу от Иерусалима (Onomastic. 260; русск. перев. Прав. Палест. Сбора, вып. 37-й с. 41), что вполне подтверждается расстоянием теперешнего селения Вифлеем, по-арабски Бет-лам (с 7000 исключительно христианского населения), от Иерусалима (см., напр., Cuerin, Description de la Palestine 1868, I, 120 sqq. Ср. проф. А. А. Олесницкого, «Святая Земля», т. II, Киев, 1878 г., с. 73 и д.). К евангельскому времени и, конечно, гораздо ранее Вифлеем обычно назывался городом Давидовым ([Лк. 2:4, 11](#)), не без влияния рассказа книги Руфь (ср. [Руф. 4:17–22](#)). В отличие от другого Вифлеема – в колене Завулоновом ([Нав. 19:15](#)), Вифлеем, будущая родина Давида, назван здесь, [Руф. 1:1](#), и в [1Цар. 17:12](#); [Мих. 5:2](#) Вифлеемом Иудейским, слав. «Вифлеем Иудин» (евр. Bet-lechem Iehudah).

[Руф.1:2](#). Имя человека того Елимелех, имя жены его Ноеминь, а имена двух сынов его Махлон и Хилеон; *они были Ефрафяне из Вифлеема Иудейского. И пришли они на поля Моавитские и остались там.*

Семья Елимелеха была очень известна в Вифлееме ([Руф. 1:19](#)), имела и относительный достаток ([Руф. 1:21](#)). Самое имя Елимелех (с евр. «Бог мой царь»), по мнению некоторых, указывает на знатное происхождение лица, носившего это имя. По происхождению имя это справедливо сближается с упоминаемым в Тель-Амарнских письмах (клинописях, открытых в Египте в 1887–1888 гг.) именем одного хеттейского князя (в южной Палестине) Илимилки или Милкили³. И. Флавий передает имя Елимелех Ἀβιζέλεχος, сближая таким образом Елимелеха с именем филистимских царей. Имена жены Елимелеха, Ноемини и обеих сыновей тоже очень знаменательны. Ноеминь, евр. Noomi – «прелестная, приятная, счастливая» (ср. [Руф. 1:20](#)), где это имя противопоставляется по значению

другому: «Мара» – «горькая»), ибо, замечает Мидраш (s. 17), «дела ее были прекрасны и приятны». Махлон и Хилеон (слав. Маалон и Хелеон) некоторыми (Мидраш, цит. м.; Geiger, s. 50) толкуются: «болезнь и истощение» (от евр. Chalah и Kalah), чем могла бы быть обозначена ранняя смерть ([Руф. 1:5](#)) обоих сыновей Елимелеха (Мидр. цит. м.). Однако такое соответствие значений имен (хотя оно еще спорно вследствие разных значений, усвояемых одному и тому же имени) не говорит против исторического значения рассказа кн. Руфь, так как совпадение этого рода, без сомнения, не намеренное. – «Ефрафяне», слав. «ефрафейстии» – то же, что «Вифлеемляне» (ср. [1Цар. 17:12](#), где ефрафянином назван Иессей), жители Вифлеема, древнего Ефрафы, а отнюдь не «Ефремляне» (ср. [Суд.12:5](#); [3Цар. 11:26](#); [1Цар. 1:1](#)), как ошибочно понимает Мидраш (s. 17).

[Руф.1:3](#). И умер Елимелех, муж Ноемини, и осталась она с двумя сыновьями своими.

Елимелех умер в земле моавитской, вероятно, вскоре после прибытия туда, и брак сыновей его имел место уже после смерти. Ноеминь осталась вдовой, «как остаток бескровной жертвы» (Мидраш, s. 18).

[Руф.1:4](#). Они взяли себе жен из Моавитянок, имя одной Орфа, а имя другой Руфь, и жили там около десяти лет.

[Руф.1:5](#). Но потом и оба [сына ее], Махлон и Хилеон, умерли, и осталась та женщина после обоих своих сыновей и после мужа своего.

Смерть отца не побудила семейство его возвратиться; напротив, оба сына Елимелеха теперь еще прочнее устраиваются на чужбине: женятся на моавитянках: старший, Махлон, – на Руфи ([Руф. 4:10](#)), а второй, Хилеон, – на Орфе. Значение имен невесток Ноемини понимается неодинаково. Орфа (евр. Orpah, LXX: Орφά), по Мидрашу (s. 19), названа так потому, что поворотила спину (ogeph) своей свекрови, т.е. оставила ее ([Руф.1:14](#); ср. [Иер. 2:27](#)); Гезениус производит это имя от арабского корня urf – «грива», Симонис сближает с orphrah – «лань». Руфь (евр. Ruth) в Талмуде (Baba Batra 14, b.) толкуется: «успокаивающая» (от глагола ravah): «ибо от нее произошел Давид, который успокаивал Святого псалмами»; в Мидраше (s. 19): «оказавшая внимание» свекрови (от глагола gaah, видеть, воззреть); но наиболее принято (Гезениус, Гейгер, Филиппсон и др.) производство от геа – ближний, женский род geuth, ближняя (т.е. близко родственная, любящая в отношении Ноемини); последнее производство имеет за себя чтение сирского перевода (Reuth). Женитьбу на иноплеменницах и идолопоклонницах ([Руф. 1:15](#)), запрещенную законом ([Исх. 34:16](#); [Втор. 7:3](#)), ср. относительно моавитян ([Втор. 23:3](#), [Суд. 10:6](#)), таргум и вообще иудейское предание считает причиной ранней и бездетной смерти

Махлона и Хилеона, хотя, ради высокого значения праматери Давида Руфи, полагает, что запрещение ([Втор. 23:3](#)) принимать в общество Иеговы моавитян относится к мужскому полу этой народности; как видно из [Руф. 1:16](#), Руфь приняла веру Израиля уже по смерти мужа и по возвращении Ноемини в Вифлеем. – Десять лет продолжался, вероятно, голод в Израиле, и столько же длилась супружеская жизнь сыновей Ноемини (ст. 4).

[Руф.1:6](#). И встала она со снохами своими и пошла обратно с полей Моавитских, ибо слышала на полях Моавитских, что Бог посетил народ Свой и дал им хлеб.

[Руф.1:7](#). И вышла она из того места, в котором жила, и обе снохи ее с нею. Когда они шли по дороге, возвращаясь в землю Иудейскую,

После смерти Махлона и Хилеона семья обеднела. Тогда Ноеминь узнает, что Иегова, по мере верности или неверности Ему Израиля посылавший ему плодородие и голод ([Втор. 28:47–48](#)), «посетил», «пакад», (ср. [Быт. 21:1](#); [Исх. 4:31](#); [1Цар. 2:21](#)), т.е. милостью – дарованием урожая хлеба, и немедленно оставляет моавитскую землю и направляется, в сопровождении обеих невесток, в Иудею.

[Руф.1:8](#). Ноеминь сказала двум снохам своим: пойдите, возвратитесь каждая в дом матери своей; да сотворит Господь с вами милость, как вы поступали с умершими и со мною!

[Руф.1:9](#). да даст вам Господь, чтобы вы нашли пристанище каждая в доме своего мужа! И поцеловала их. Но они подняли вопль и плакали

По мере приближения к границе Моавитской земли с Иудейской Ноеминь пытается советовать невесткам возвратиться в родительские дома (по LXX, слав., «дом отца своего», но евр., рус.: «дом матери своей» – указание на особенное значение матери в первобытном строе жизни, ср. [Быт. 24:28](#); [Песн. 3:4](#))⁴; отец, по крайней мере, Руфи был жив еще тогда ([Руф. 2:11](#)). Вся вообще речь Ноемини и ответы невесток открывают существование таких отношений между ними и свекровью, которые могут быть названы не иначе как идеальными. С твердой верой в промысел Божий (вера эта проходит через всю нить повествования книги Руфь) Ноеминь выражает признательность невесткам своим за их добрые отношения к умершим мужьям и свекрови, желает им милостей Иеговы, высказывая, таким образом, веру, что сила и действие Иеговы не ограничиваются пределами Израиля и его земли, а простираются и на другие народы, на весь мир и великодушно советует им вступить в новые браки, желая «покоя» (евр. «menuchah», ст. 9) им в домах будущих мужей (ср. [Руф. 3:2](#)).

[Руф.1:10](#). и сказали: нет, мы с тобою возвратимся к народу твоему.

Однако Руфь и Орфа выражают желание следовать за любимой свекровью в Иудею.

[Руф.1:11](#). Ноеминь же сказала: возвратитесь, дочери мои; зачем вам идти со мною? Разве еще есть у меня сыновья в моем чреве, которые были бы вам мужьями?

[Руф.1:12](#). Возвратитесь, дочери мои, пойдите, ибо я уже стара, чтоб быть замужем. Да если б я и сказала: «есть мне еще надежда», и даже если бы я сию же ночь была с мужем и потом родила сыновей, –

[Руф.1:13](#). то можно ли вам ждать, пока они выросли бы? можно ли вам медлить и не выходить замуж? Нет, дочери мои, я весьма сокрушаюсь о вас, ибо рука Господня постигла меня.

В ответной речи Ноеминь выходит из того древнееврейского воззрения, что высшее назначение и счастье женщины – быть матерью (ср. [Быт. 24:60, 30:1](#)) и, кроме того, имеет в виду древнееврейский же (встречающийся и у других народов – индийцев, персов, черкесов и др.) обычай левиратного брака ([Быт. 38:7–11; Втор. 25:5–10](#); ср. И. Флавия Иудейские Древности IV, 8, 23, ср. [Руф. 4:10](#)). С этой точки зрения следование невесток за Ноеминью признается ею бесцельным: у нее нет и не будет сыновей, которые бы могли заменить для Руфи и Орфы умерших Махлона и Хилеона, так что нет для них надежды в Израиле; однако, по словам Ноемини, ее собственное положение все же более горько (евр. *mar*, ст. 13), чем их, ибо они потеряли только мужей и могут иметь надежду на новые супружества, она же лишилась мужа, детей, имущества и притом не имеет в виду лучшего будущего: видимо, ее «постигла (карающая) рука Иеговы» (ст. 13).

[Руф.1:14](#). Они подняли вопль и опять стали плакать. И Орфа простилась со свекровью своею [и возвратилась к народу своему], а Руфь осталась с нею.

[Руф.1:15](#). [Ноеминь] сказала [Руфи]: вот, невестка твоя возвратилась к народу своему и к своим богам; возвратись и ты вслед за невесткою твоею.

Увещания Ноемини подействовали на Орфу, и она, убоявшись, может быть, ожидающих ее в обществе Ноемини лишений, предпочла возвратиться «к народу своему и к своим богам» (ст. 15), т.е. к почитанию Хамоса ([Чис. 21:29; Иер. 48:13](#)) и др. моавитских божеств (по Таргуму, «к богу» – единственное число, почему некоторые древние толкователи видели здесь Истинного Бога, что, однако, неверно ввиду того, что это усвоится (ст. 16) лишь Руфи, в очевидной противоположности с Орфою (ст. 15).

[Руф.1:16](#). Но Руфь сказала: не принуждай меня оставить тебя и

возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом;

[Руф.1:17](#). и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду; пусть то и то сделает мне Господь, и еще больше сделает; смерть одна разлучит меня с тобою.

[Руф.1:18](#). [Ноеминь,] видя, что она твердо решилась идти с нею, перестала уговаривать ее.

Но совершенно обратное действие слова Ноемини произвели на Руфь. В ней заговорила теперь «крепкая, как смерть, любовь» ([Песн. 8:6](#)): из любви к Ноемини она не только обещает неотлучно сопутствовать ей во всяком месте и при всяких обстоятельствах, но и со всей силой убеждения признает народ ее – Израиля – своим народом. Бога ее (Иегову) – своим Богом, т.е., по толкованию Мидраша (s. 24), объявляет себя прозелиткой, присоединяясь и к вере, и к народности Израиля (ср. Berthofet, Stellung der Isr. u Iuden zu den Fremden, s. 28). Только смерть может разлучить ее с Ноеминью, но все же прах обеих должен лежать в одной гробнице. Все это Руфь утвердила клятвенным выражением (обычным в книгах Царств, напр., [1Цар. 3:17, 14:44, 20:13](#); [2Цар. 3:35](#)), по славянскому тексту (более точно, чем русский перевод, передающему подлинный текст): «так да сотворит мне Господь, и сия да приложит». Тогда Ноеминь оставила свои увещания, молчаливо согласившись с нею.

[Руф.1:19](#). И шли обе они, доколе не пришли в Вифлеем. Когда пришли они в Вифлеем, весь город пришел в движение от них, и говорили: это Ноеминь?

[Руф.1:20](#). Она сказала им: не называйте меня Ноеминью*, а называйте меня Марою**, потому что Вседержитель послал мне великую горесть;

[Руф.1:21](#). я вышла отсюда с достатком, а возвратил меня Господь с пустыми руками; зачем называть меня Ноеминью, когда Господь заставил меня страдать, и Вседержитель послал мне несчастье?

Прибытие Ноемини в Вифлеем после десятилетней отлучки, притом без мужа и сыновей, естественно, произвело впечатление в немногочисленном, конечно, населении, и особенно женщины с удивлением говорили (евр. tomarnah, женского рода): ужели это Ноеминь? (греко-славянский перевод точнее, чем Vulg.: «haec, est illa Noemi» и русский). Еврейск. Marah, арамейск. op. Mara (LXX: Πικρά, Vulg. Amara, слав. «Горька»), родственное имени Мария, противоположно по значению имени Noemi, и эта противоположность выражена Ноеминью в

применении к обстоятельствам ее жизни и страданиям по воле Вседержителя (евр. Schaddai).

[Руф.1:22](#). И возвратилась Ноемиль, и с нею сноха ее Руфь Моавитянка, пришедшая с полей Моавитских, и пришли они в Вифлеем в начале жатвы ячменя.

Прибытие Ноемини и Руфи в Вифлеем имело место «в начале жатвы ячменя», или вообще жатвы (так как ячмень поспевает в Палестине раньше пшеницы) – около половины апреля (см. Ed. Robinson, Palastina 2 Bd., s. 504, 522, 597, 620, 668) или около времени Пасхи (Таргум: «при наступлении дня Пасхи»), на второй день которой приносился в святилище первый сноп жатвы ячменя ([Лев. 23:10–11](#)); ср. Midr. 31. Дата прибытия может (по связи с последующим; гл. II-III) давать мысль о близости помощи Божией обеим женщинам: жатва дала повод для проявления милости Божией им через Вооза.

Глава 2

Руфь собирает колосья на поле Вооза.

[Руф.2:1](#). У Ноемини был родственник по мужу ее, человек весьма знатный, из племени Елимелехова, имя ему Вооз.

Вводится в повествование новое лицо – родственник покойного Елимелеха и, следовательно, Ноемини (евр. modá, LXX: γνώριμος, слав.: «муж знаемый» – собственно «знакомый», но ввиду принадлежности его к племени Елимелеха – «родственник», – как в русском, ср. [Руф. 3:2](#)). Вооз (евр., Voaz; LXX: Βοοζ; Vulg. Booz). Еврейское написание имени одинаково с названием одной из медных колонн, поставленных Соломоном в притворе храма – Воаз ([3Цар. 7:21](#); [2Пар. 3:17](#)); значение имени передается двояко: 1) «в нем – крепость» (bo и az), или 2) от арабского корня «ловкость, подвижность» (Гезениус). В том и другом случае Воозу приличен эпитет «isch gibborchail» (Vulg. homo potens, слав.: «муж же силен», русск.: «человек весьма знатный»), обычно обозначающий человека богатого ([1Цар. 9:1](#); [4Цар. 15:20](#)) или мужественного, храброго, доблестного героя ([Суд. 6:12, 11:1](#); [3Цар. 11:28](#); [Неем. 11:14](#)).

[Руф.2:2](#). И сказала Руфь Моавитянка Ноемини: пойду я на поле и буду подбирать колосья по следам того, у кого найду благоволение. Она сказала ей: пойдь, дочь моя.

[Руф.2:3](#). Она пошла, и пришла, и подбирала в поле колосья позади жнецов. И случилось, что та часть поля принадлежала Воозу, который из племени Елимелехова.

Руфь спешит помочь тяжелому положению, в котором оказались обе женщины по прибытии в Вифлеем. Древнееврейский обычай, санкционированный законом ([Лев. 19:9–10, 23:22](#); [Втор. 24:19](#)), предоставлял в пользу бедных, между прочим, известную часть нивы, оставляемую недожатой, забытые снопы и упавшие при сборе колосья. Руфь пользуется этим правом, может быть, не зная его законной санкции, а просто надеясь на человеческую доброту жнецов и хозяев; к счастью, «случайно» (евр. midreh, Vulg. accidit: понятие «случая» чрезвычайно редко в библейском словоупотреблении и мировоззрении, принадлежа более язычникам, напр., [1Цар. 6:9](#)) она попадает на ниву Вооза, где и начала подбирать колосья за жнецами.

[Руф.2:4](#). И вот, Вооз пришел из Вифлеема и сказал жнецам: Господь с вами! Они сказали ему: да благословит тебя Господь!

Приветствие Вооза жнецам напоминает приветствие Ангела Гедону ([Суд.6:12](#)), ответное приветствие жнецов ему близко к благожеланию при жатве в [Пс. 128:8](#). Приветствие Вооза и ответ жнецов рисуют привлекательную простоту и сердечность отношений господина и слуг.

[Руф.2:5](#). И сказал Вооз слуге своему, приставленному к жнецам: чья это молодая женщина?

[Руф.2:6](#). Слуга, приставленный к жнецам, отвечал и сказал: эта молодая женщина – Моавитянка, пришедшая с Ноеминью с полей Моавитских;

[Руф.2:7](#). она сказала: «буду я подбирать и собирать между снопами позади жнецов»; и пришла, и находится здесь с самого утра доселе; мало бывает она дома.

На вопрос Вооза о Руфи приставник дает ответ для нее благоприятный: указание на самоотверженную преданность ее Ноемини и чрезвычайное ее трудолюбие.

[Руф.2:8](#). И сказал Вооз Руфи: послушай, дочь моя, не ходи подбирать на другом поле и не переходи отсюда, но будь здесь с моими служанками;

[Руф.2:9](#). пусть в глазах твоих будет то поле, где они жнут, и ходи за ними; вот, я приказал слугам моим не трогать тебя; когда захочешь пить, иди к сосудам и пей, откуда черпают слуги мои.

Это располагает Вооза в пользу Руфи, и он разрешает ей постоянный сбор колосьев исключительно на его поле, поручая ее охране служанок и ограждая от обид со стороны жнецов (ср. [Руф. 2:14–15](#)).

[Руф.2:10](#). Она пала на лице свое и поклонилась до земли и сказала ему: чем снискала я в глазах твоих милость, что ты принимаешь меня, хотя я и чужеземка?

[Руф.2:11](#). Вооз отвечал и сказал ей: мне сказано все, что сделала ты для свекрови своей по смерти мужа твоего, что ты оставила твоего отца и твою мать и твою родину и пришла к народу, которого ты не знала вчера и третьего дня;

[Руф.2:12](#). да воздаст Господь за это дело твое, и да будет тебе полная награда от Господа Бога Израилева, к Которому ты пришла, чтоб успокоиться под Его крылами!

[Руф.2:13](#). Она сказала: да буду я в милости пред очами твоими, господин мой! Ты утешил меня и говорил по сердцу рабы твоей, между тем как я не стою ни одной из рабынь твоих.

Здесь в одинаковой степени привлекательны как смиренная признательность Воозу Руфи, все оставившей на родине ради Израиля и Бога его и не притязающей на благодеяния в Израиле (ст. 10, 13), так и

доброта и благочестие Вооза, проникнутого верой в особенный промысел Иеговы о Израиле (как бы крыльями осеняющего и защищающего народ свой, ср. [Втор. 32:11–12](#) и [Пс. 35:8, 56:2, 90:4](#)), не оставляющий без памяти и всякого, надеющегося на Него ([Пс. 90:1](#)), не исключая и «пришельца во вратах Израиля» ([Втор. 14:29](#)), – принимающего жертву бескорыстной преданности Руфи Ноемини в качестве великого богоугодного поступка, достойного самой полной и совершенной награды от Бога, и готового послужить орудием милости Божией к бедной женщине (ст. 11–12). «Благословение сие (Вооза Руфи) исполнилось, потому что прияла она полную мзду от Господа, сделавшись праматерью Благословения народов» (Блаженный Феодорит, с. 315).

[Руф.2:14](#). И сказал ей Вооз: время обеда; приди сюда и ешь хлеб и обмакивай кусок твой в уксус. И села она возле жнецов. Он подал ей хлеба; она ела, наелась, и еще осталось.

Характерно изображение трапезы восточного простолюдина. Обед состоит из кусков хлеба, обмакиваемых в уксус (евр. *chomez* – питье, употребительное на Востоке в знойное время и теперь, несмотря на ограничения запрещением вина у мусульман), к этому присоединяется *kalı*, греч.: ἄλιτον, слав.: «пряжмо» – сушеные зерна (ср. [Лев. 23:14](#)).

[Руф.2:15](#). И встала, чтобы подбирать. Вооз дал приказ слугам своим, сказав: пусть подбирает она и между снопами, и не обижайте ее;

[Руф.2:16](#). да и от снопов откидывайте ей и оставляйте, пусть она подбирает [и ест], и не браните ее.

Беседа с Руфью, видимо, еще более возвысила ее в глазах Вооза, и он делает новые распоряжения жницам о содействии бедной женщине в сборе хлеба; но и теперь, как ранее, еще не упоминает о родстве своем с покойным мужем Руфи. Последнее открывает ей уже Ноеминь по возвращении ее вечером первого дня сбора хлеба на полях Вооза (ст. 20).

[Руф.2:17](#). Так подбирала она на поле до вечера и вымолотила собранное, и вышло около ефы ячменя.

[Руф.2:18](#). Взяв это, она пошла в город, и свекровь ее увидела, что она набрала. И вынула [Руфь из пазухи своей] и дала ей то, что оставила, наевшись сама.

Размер дневного сбора ячменя Руфи, вымолоченного ею в поле же, равнялся ефе, евр. *ephā*, LXX: οἴφι (οἴφει), Vulg.: *ephi*, слав.: «ифи»; мера эта, по Иудейской традиции (Midrasch, s. 42), равнялась трем сатам (Vulg. *tres modii*); по И. Флавию (Ant. VIII, 2, 9), 72 секстарам или 1 аттич. μετρῆτης.

[Руф.2:19](#). И сказала ей свекровь ее: где ты собирала сегодня и где

работала? да будет благословен принявший тебя! [Руфь] объявила свекрови своей, у кого она работала, и сказала: человеку тому, у которого я сегодня работала, имя Вооз.

[Руф.2:20](#). И сказала Ноеминь снохе своей: благословен он от Господа за то, что не лишил милости своей ни живых, ни мертвых! И сказала ей Ноеминь: человек этот близок к нам; он из наших родственников.

[Руф.2:21](#). Руфь Моавитянка сказала [свекрови своей]: он даже сказал мне: будь с моими служанками, доколе не dokonчат они жатвы моей.

[Руф.2:22](#). И сказала Ноеминь снохе своей Руфи: хорошо, дочь моя, что ты будешь ходить со служанками его, и не будут оскорблять тебя на другом поле.

Обилие собранного Руфью хлеба (ст. 17), остатки обеда, ею принесенные (ст. 18), наконец, сообщение имени Вооза (ст. 19), – все это немедленно вытесняет из сердца благочестивой Ноемини прежнюю горечь ([Руф. 1:13, 20](#)) и исторгает у нее слова благодарения Иегове и благословения Воозу (ст. 20); теперь же она сообщает Руфи о родстве Вооза. И дальнейшее сообщение Руфи о милостивом разрешении Вооза быть все время жатвы со слугами его (ст. 21) могло теперь же побудить Ноеминь подумать об устройении судьбы невестки (ср. [Руф. 3:1](#)).

[Руф.2:23](#). Так была она со служанками Воозовыми и подбирала [колосья], доколе не кончилась жатва ячменя и жатва пшеницы, и жила у свекрови своей.

В течение всей жатвы (ячменя и затем через недели 2–3 пшеницы), т.е. около 3-х месяцев (Midrasch, s. 44), Руфь работала на полях Вооза, живя у Ноемини. В Вульгате последние слова ст. 23, гл. 2: «vatteschv et – chamotag» («жила у свекрови») отнесены к ст. 1, гл. III, начинающейся в Вульгате: «postquam autem reversa est ad soream suam».

Глава 3

Руфь просит у Вооза брака во имя закона ужичества.

[Руф.3:1](#). И сказала ей Ноеминь, свекровь ее: дочь моя, не поискать ли тебе пристанища, чтобы тебе хорошо было?

Ноеминь начинает хлопотать об устройении судьбы Руфи, о доставлении ей того «покоя» (евр. *manoach*), которого она давно желала обоим невесткам ([Руф. 1:9](#), *menuchah*), – супружества и жизни под защитой мужа.

[Руф.3:2](#). Вот, Вооз, со служанками которого ты была, родственник наш; вот, он в эту ночь веет на гумне ячмень;

[Руф.3:3](#). умойся, помажься, надень на себя [нарядные] одежды твои и пойди на гумно, но не показывайся ему, доколе не кончит есть и пить;

[Руф.3:4](#). когда же он ляжет спать, узнай место, где он ляжет; тогда придешь и откроешь у ног его и ляжешь; он скажет тебе, что тебе делать.

Ноеминь намерена устроить брак Руфи с Воозом на основании закона родства или ужичества (ср. [Чис. 27:1–11, 36:1–9](#)), – так называемый брак левиратный (ср. [Втор. 25:5–10](#)), от которого, по ее мнению, Вооз не должен был отказываться (юридически) и не мог сделать этого (нравственно) ввиду известного обращения с Руфью (гл. II). Мера для сближения с Воозом, указанная ею Руфи, всецело отвечает правовым и нравственным понятиям древнееврейского уклада жизни, санкционированным законом, и никоим образом не может быть оцениваема с точки зрения европейских христианских понятий. (Ср. блаженного Феодорита, вопр. 2 на кн. Руфь: «Иные порицают и Ноеминь и Руфь, первую за то, что внушила, а последнюю за то, что послушалась и исполнила, т.е. спала у ног Воозовых»). Хотя буква закона ([Втор. 25:5–10](#)) не говорит прямо об обязанности других родственников – не братьев – восстанавливать семя бездетно умершему путем левиратного брака, однако дух закона, без сомнения, налагал эту обязанность и на них, хотя позднейший буквализм раввинов не распространял этой обязанности даже на брата, родившегося после смерти умершего бездетным братом его (Мишна, Иевамот II, 1–2).

Веяние хлеба в Палестине (ст. 2) в древности и теперь происходит перед вечером, так как около 4-х часов пополудни обычно дует благоприятный для сего ветер с Средиземного моря (W. Nowack, *Hebraische ArshaoIogie*, Bd, I, leipzig. 1894, S. 233–234). – Омовение,

умащение тела и возложение торжественных одежд (вместо, вероятно, «одежды вдовства» (ср. [Быт. 38:14](#)); по Мидрашу, S. 44, Руфь надела одежды субботные или праздничные), – эти действия Руфи по совету Ноемини аналогичны приготовлениям невесты к браку (ср. [Иез. 16:9–13](#)) и в данном случае были рассчитаны произвести наиболее выгодное впечатление на Вооза. Той же цели имело служит, по мысли Ноемини, свидание Руфи с Воозом после трапезы последнего, когда «развеселится сердце его» (ст. 7), т.е. в хорошем расположении его духа.

[Руф.3:5](#). [Руфь] сказала ей: сделаю все, что ты сказала мне.

[Руф.3:6](#). И пошла на гумно и сделала все так, как приказывала ей свекровь ее.

Руфь, чувствуя материнскую любовь и жизненную опытность в совете Ноемини, в точности исполняет последний.

[Руф.3:7](#). Вооз наелся и напился, и развеселил сердце свое, и пошел и лег спать подле скирда. И она пришла тихонько, открыла у ног его и легла.

При патриархальной простоте жизни богатство и именитость Вооза не мешали ему непосредственно участвовать в полевых и иных хозяйственных работах, а равно и самому же ночью сторожить на гумне хлеб в снопах и зерне. Источник веселья Вооза Мидраш (S. 45) указывает в благодарственной молитве, совершенной им после пищи. Когда он уснул, то Руфь, согласно наставлению Ноемини (ст. 4), легла у ног его, как бы всецело отдавая себя воле и покровительству Вооза.

[Руф.3:8](#). В полночь он содрогнулся, приподнялся, и вот, у ног его лежит женщина.

[Руф.3:9](#). И сказал [ей Вооз]: кто ты? Она сказала: я Руфь, раба твоя, прости крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник.

Когда, в полночь, проснувшийся Вооз заметил присутствие вблизи себя женщины и спросил ее об имени, то Руфь, назвав себя, именуется собой рабой Вооза – в смысле нуждающейся в милости и защите Вооза и затем просит его: «прости крыло твое на рабу твою, потому что ты родственник» (евр.: *goel*, LXX: ἀρχιστεὺς ἀρχιστευτής). «Простереть крыло» на женщину (ср. [Иез. 16:8](#)) – общеизвестный не только у древних евреев, но и у арабов (Iacob. Studien en arab. Dichtern III, 58) символ не просто защиты вообще (как в [Руф. 2:12](#)), но прямо супружества, брака; просьба о последнем мотивируется Руфь: ибо ты родственник – *goel* – лицо, в силу родственной близости имеющее не только право, но и обязанность оказать всякое материальное, моральное и подобное содействие родственной, так или иначе пострадавшей, семье ([Лев. 25:25–26](#); [3Цар. 16:11](#) и др.); по отношению к бездетной вдове родственника – обязанность взять ее в жены

(ср. ст. 13). В отличие от собственно левиратного брака в первоначальном, древнем смысле этого института, согласно которому в этой стране восстанавливалась семья, имя или дом умершего ([Быт. 38:7–11](#); [Втор. 25:6, 9](#)), в словах Руфи ст. 9 и во всем последующем повествовании кн. Руфь (см. [Руф. 4:3–5](#)) имеется в виду видоизмененная форма левирата в комбинации с законом сохранения уделов в пределах каждого колена ([Чис. 27:1–11, 36:1–9](#)), причем требование «восстановления семени умершему» ([Быт. 38:7–11, Втор. 25:5–6](#)) отступило назад: Вооз, женившись на Руфи, созидал дом собственный, а не воссозидал дом Махлона ([Руф. 4:11–13](#)), так что и рожденный им от Руфи Овид именовался сыном первого ([Руф. 4:21](#)), а не последнего.

[Руф.3:10](#). [Вооз] сказал: благословенна ты от Господа [Бога], дочь моя! это последнее твоё доброе дело сделала ты ещё лучше прежнего, что ты не пошла искать молодых людей, ни бедных, ни богатых;

[Руф.3:11](#). итак, дочь моя, не бойся, я сделаю тебе все, что ты сказала; ибо у всех ворот народа моего знают, что ты женщина добродетельная;

Вооз со всей искренностью отзывается на доверчивое движение души бедной женщины; как отец дочь, благословляет он Руфь и восхваляет, находя, что эта решимость её искать покровительства у престарелого Вооза (по Мидрашу, s. 47. Воозу в это время было 80 лет), минуя молодых людей, есть такое «доброе дело» (евр. *chesed* точнее, чем в русском переводе передается, в славянском: «милость», Vulg. «*misericordia*»), которое по достоинству превосходит «прежнее» доброе дело, т.е. самоотверженное оставление родного дома и родины ради любви к Ноемини ([Руф. 1:16, 2:17](#)), – превосходит, поскольку в последнем отношении она действовала все же сообразно с естественными склонностями сердца, в отношении же Вооза она руководилась чувством долга и внушением благочестия, наперекор влечениям и симпатиям женского сердца к юным избранникам⁵. Успокаивая дрожащую от страха Руфь, Вооз обещает исполнить всякую её просьбу, касающуюся принадлежащего ей по праву, – конечно, уже не как моавитянка, а как член израильской общины, в которую Руфь вступила ([Руф. 1:16, 2:12](#)) и по законам которой она действует. Это последнее и вообще высокое достоинство Руфи, как «жены добродетельной» («*escheth-chail*», ср. ([Притч. 31:10](#)); LXX: *γυνὴ δυνάμεως*, Vulg. *mulier virtutis*, слав.: «жена силы» – все более точный перевод еврейский сравнительно с русским переводом), свидетельствует, по словам Вооза, общее мнение о ней его соотечественников, жителей Вифлеема; («все ворота», евр. *kol-schaar* – весь город, поскольку ворота в городе были сборным пунктом населения

его по общественным делам, тяжёлым, судебным ([Втор. 25:7](#); [Ис. 29:20–21](#); [Притч. 22:22](#) и др.); LXX: Πασ̃α φυλή μου, слав.). Такое суждение Вооза о нравственном достоинстве Руфи весьма важно для предупреждения и устранения ошибочных, чуждых данной эпохе и среде, суждений о том же предмете.

[Руф.3:12](#). хотя и правда, что я родственник, но есть еще родственник ближе меня;

[Руф.3:13](#). переночуй эту ночь; завтра же, если он примет тебя, то хорошо, пусть примет; а если он не захочет принять тебя, то я приму; жив Господь! Спи до утра.

[Руф.3:14](#). И спала она у ног его до утра и встала прежде, нежели могли они распознать друг друга. И сказал Вооз: пусть не знают, что женщина приходила на гумно.

Расположенный к Руфи и готовый вступить с нею в брак, зная, равным образом, что и она желает брака именно с ним, Вооз, однако, настаивает, что это несомненное право Руфи должно быть осуществлено законным, формальным путем, что необходимо всенародно ([Руф. 4:2](#)) предложить взятие Руфи более близкому родственнику ее, чем Вооз. Мидраш (s. 47) и раввины (Раши и др.), стоя на букве закона и полагая, что левиратный брак обязателен был лишь для брата умершего, называет этого предполагаемого брата Махлона – Тов (понимая слово tov (ст. 13) в смысле собственного имени), но последнее должно быть отнесено на счет простой раввинской изобретательности: в [Руф. 4:1](#) родственник Руфи не назван по имени (на что обращал внимание уже Абен-Езра). Руфь должна была спать на гумне Вооза до утра, именно до наступления полного рассвета (ст. 13–14): Вооз не отослал ее тотчас же ночью, с одной стороны, чтобы не возбудить в ней подозрения в нежелании Вооза исполнить просьбу Руфи, с другой – предотвратить возможную опасность для Руфи при возвращении ночью, со стороны ночных сторожей (ср. [Песн. 5:7](#)); рано же, до рассвета, Руфь должна была оставить гумно Вооза потому, что «благоразумие требовало остерегаться всяких сплетен, совершенно не имевших под собою основания» (Иосиф Флавий Иудейские Древн. V, 9, 3).

[Руф.3:15](#). И сказал ей: подай верхнюю одежду, которая на тебе, поддержи ее. Она держала, и он отмерил [ей] шесть мер ячменя, и положил на нее, и пошел в город.

Может быть, этой благоразумной заботой о доброй репутации – своей и Руфи, а не одним расположением и попечением о пропитании Руфи и Ноемини (ст. 17) вызван был дар Вооза Руфи – 6 мер (неопределенной величины) ячменя, всыпанных им Руфи в полотно и взваленных на плечи.

Давая Руфи эту ношу, с какой люди привыкли уже видеть Руфь, Вооз устранял подозрение, какое могло явиться у всех знавших Руфь, в ранний час возвращающуюся от Вооза; устранить же эти подозрения было тем необходимее, что по иудейскому традиционному праву, при наличии этих подозрений, он не мог бы и жениться на Руфи: «если кто подозревается в сношениях с нееврейкой, то, хотя бы она обратилась в еврейство, он не должен на ней жениться» (Мишна, Иевамот II, 8, ср. Тосеф. 4, 6). Мидраш понимает 6 мер ячменя, данных Воозом Руфи, аллегорически: о шести или восьми потомках Руфи, наделенных 6-ю наивысшими качествами: Давиде, Езекии, Иосии, Анании, Азари, Мисаиле, Данииле и Мессии (S. 52). – Вместе с Руфью в город, может быть, пошел и Вооз (но Vulg. видит в заключительных словах ст. 15 речь только о Руфи: *ingressa est civitatem*; женский род *tabo* вместо принятого мужского рода *iabo* имеют, впрочем, и многие кодексы еврейских текстов у Кеникотта Росси, напр., №№ 1, 47, 76, 93, 100 и др.). По Мидрашу (S. 52), Вооз шел вместе с Руфью, охраняя ее от нападений молодых людей.

[Руф.3:16](#). А [Руфь] пришла к свекрови своей. Та сказала [ей]: что, дочь моя? Она пересказала ей все, что сделал ей человек тот.

[Руф.3:17](#). И сказала [ей]: эти шесть мер ячменя он дал мне и сказал мне: не ходи к свекрови своей с пустыми руками.

[Руф.3:18](#). Та сказала: подожди, дочь моя, доколе не узнаешь, чем кончится дело; ибо человек тот не останется в покое, не кончив сегодня дела.

Смысл вопроса Ноемини к возвратившейся Руфи Мидраш (S. 52) передает; «свободная ли ты еще или уже принадлежишь мужу?», на что Руфь ответила: «я – свободная». Принесенный Руфью запас ячменя – дар Вооза – еще более утверждает Ноеминь в доверии расположению его к Руфи, и она советует ей оставаться дома (в качестве обрученной Вооза) в твердой надежде на скорое, в тот же день, и точное решение участи Руфи Воозом, который до окончания дела не успокоится: «у благочестивых «я» всегда «я» и «нет» – «нет», – замечает Мидраш (S. 58).

Глава 4

1–12. Торжественное принятие Воозом обязательств относительно удела Ноемини и Руфи и брака с последней. 13–17а. Брак Вооза и Руфи и рождение у них сына Овида. 17b-22. Родословие Давида.

[Руф.4:1](#). Вооз вышел к воротам и сидел там. И вот, идет мимо родственник, о котором говорил Вооз. И сказал ему [Вооз]: зайди сюда и сядь здесь. Тот зашел и сел.

[Руф.4:2](#). [Вооз] взял десять человек из старейшин города и сказал: сядьте здесь. И они сели.

Желая скорее устроить дело Руфи (см. [Руфь 3:18](#)), Вооз рано утром приходит на площадь у городских ворот – обычное в городах Востока место всех общественных собраний ([Быт. 19:1](#), [Пс. 68:13](#)), торговых сделок ([Быт. 23:10–13](#), [16](#), [18](#)) и покупок ([4Цар. 7:1](#)), судебного разбирательства ([Втор. 16:18](#), [21:19](#)), в частности, касательно левиратного брака – в случае отказа деверя от этого брака ([Втор. 25:7](#)). Сюда Вооз пригласил и родственника (goel) Ноемини и Руфи, о котором Вооз упоминает в разговоре с последней ([Руф. 3:12](#)); обращение Вооза к этому родственнику выражено неопределенным выражением евр. «*re'om almoni*» (по Мидрашу, S. 53, – невежда в законе, не знавший, что запрещение [Втор. 23:3](#) относится только к мужчинам моавитянам, а не к женщинам), соответствующим греч.: δεινα, слав.: «онсице» ([Мф. 26:18](#)) – «такой-то». Возможно, что этот необходимый для решения дела человек нарочито был приглашен Воозом (так передает И. Флав. Иудейские Древн. V, 9, 4), как нарочито были приглашены им и свидетели из старейшин (о старейшинах в Вифлееме упоминается далее в истории Самуила ([1Цар. 16:4](#))) – в количестве десяти, какое число в Иудейском предании считалось минимальным для богослужебного собрания (см. Таргум иерус. на [Исх. 12:4](#)), как и для всякого общественного дела ([1Цар. 25:5](#)). И. Флавий (цит. м.) говорит, что Вооз позвал к воротам города и Руфь, но это не подтверждается библейским текстом и даже, пожалуй, противоречит ([Руф. 3:18](#)) (ср. наше замечание к этому месту).

[Руф.4:3](#). И сказал [Вооз] родственнику: Ноеминь, возвратившаяся с полей Моавитских, продает часть поля, принадлежащую брату нашему Елимелеху;

[Руф.4:4](#). я решил довести до ушей твоих и сказать: купи при сидящих здесь и при старейшинах народа моего; если хочешь выкупить,

выкупай; а если не хочешь выкупить, скажи мне, и я буду знать; ибо кроме тебя некому выкупить; а по тебе я. Тот сказал: я выкупаю.

[Руф.4:5](#). Вооз сказал: когда ты купишь поле у Ноемини, то должен купить и у Руфи Моавитянки, жены умершего, и должен взять ее в замужество, чтобы восстановить имя умершего в уделе его.

[Руф.4:6](#). И сказал тот родственник: не могу я взять ее себе, чтобы не расстроить своего удела; прими ее ты, ибо я не могу принять.

«Достоин удивления разговор с ближайшим родственником. Не прямо повел он речь о браке, но заговорил о приобретении полей. Потом, когда с удовольствием принял тот предложение сие, Вооз присовокупил слово и о браке, сказав: справедливость требует вступающему во владение полей после умершего взять себе и жену его и чадорождением сохранить память скончавшегося; но тот по причине брака отрекся и от предлагаемых полей» (блаженный Феодорит, стр. 317). Благоразумно и тактично также Вооз, начиная речь об уделе покойных Елимелеха и сыновей (ст. 3), называет только Ноеминь, не упоминая пока о Руфи, – «Ноеминь... продает», с евр.: «продала» (makeah, LXX: δέδοται Νωεμειν, слав.: «дадесе Ноемине», Vulg. vendet Noemi), т.е. по возвращении из Моавитской страны, или же это было сделано Елимелехом при удалении туда ([Руф. 1:1–2](#)); так или иначе, по закону (ужичества) – о не отчуждаемости уделов от колена в колена ([Чис. 27:1–11, 36:6–9](#)), проданный было Ноеминью участок Елимелеха должен был быть выкуплен кем-либо из близких родственников его, по [Лев. 25:15](#), каких в данном случае оказывалось лишь два: не названный по имени и Вооз⁶. Первый, выразивши было согласие выкупить удел Ноемини (ст. 4), тотчас же отказался от этого, как скоро услышал об обязанности брака с Руфью (ст. 5): может быть, его отклоняла суеверная боязнь вдовы Махлона (подобную боязнь выразил, по [Быт. 38:11](#), Иуда относительно Фамари после смерти двух мужей – ее сыновей Иуды, ср. [Тов. 3:7–8, 6:14–15](#)), хотя сам он указывает другую причину отказа – боязнь расстройства его собственного удела (ст. 6); Мидраш (S. 53–54), как уже сказали, видит здесь следствие невежества его в законе и опасения нарушить последний брак на моавитянке (ср. [Втор. 23:3](#)).

[Руф.4:7](#). Прежде такой был обычай у Израиля при выкупе и при мене для подтверждения какого-либо дела: один снимал сапог свой и давал другому, [который принимал право родственника,] и это было свидетельством у Израиля.

[Руф.4:8](#). И сказал тот родственник Воозу: купи себе. И снял сапог свой [и дал ему].

Упоминаемый здесь обычай снятия сапога одним и передачи его

другому И. Флавий (Иудейские Древн. V, 9, 4) несправедливо отождествляет с законом и обрядом так называемой (доселе существующей у евреев) халицы (от еврейского глагола chalaz, разувать)^Z или освобождения деверя от обязанности левиратного брака с невесткой ([Втор. 25:9–10](#)). Смысл, цель и обстановка обряда в том и другом случае различны: в первом случае (как здесь, [Руф. 4:8](#)) имеющий право собственности сам отрекался от нее и символически выражал это передачей сапога (символ владения, [Пс. 59:10, 107:10](#)), тогда как «халица» совершалась самой невесткой, получившей отказ в браке от деверя: она снимала у него сапоги и плевала ему в лицо ([Втор. 25:9–10](#); И. Флав. Иудейские Древн. IV, 8, 23), что было позором для «разутого» (chaluz) на всю жизнь.

[Руф.4:9](#). И сказал Вооз старейшинам и всему народу: вы теперь свидетели тому, что я покупаю у Ноемини все Елимелехово и все Хилеоново и Махлоново;

[Руф.4:10](#). также и Руфь Моавитянку, жену Махлонову, беру себе в жену, чтоб оставить имя умершего в уделе его, и чтобы не исчезло имя умершего между братьями его и у ворот местопребывания его: вы сегодня свидетели тому.

Теперь Вооз уже свободно и со всей решительностью берет на себя обязательство как выкупа удела, так и брака с Руфью. «Достойны удивления в сказанном и благочестие и точность. Не нарушаю, говорит, закона тем, что беру в жену моавитянку; напротив того, исполняю Божественный закон, чтобы память умершего сохранилась не угасшею» (блаженный Феодорит, с. 318). Впрочем, в последующих родословиях ([Руф. 4:21](#); [1Пар. 2:12](#); [Мф. 1:5](#); [Лк. 3:32](#)), рожденный от брака Вооза и Руфи Овид называется сыном Вооза, а не Махлона: благочестие Вооза сделало его достойным занять место в родословной Давида и Иисуса Христа преимущественно пред Махлоном.

[Руф.4:11](#). И сказал весь народ, который при воротах, и старейшины: мы свидетели; да соделает Господь жену, входящую в дом твой, как Рахиль и как Лию, которые обе устроили дом Израилев; приобретай богатство в Ефрафе, и да славится имя твое в Вифлееме;

[Руф.4:12](#). и да будет дом твой, как дом Фареса, которого родила Фамарь Иуде, от того семени, которое даст тебе Господь от этой молодой женщины.

Старейшины и народ не только свидетельствуют и подтверждают легальность объявленного Воозом брака, но и благословляют предстоящий брак с упоминанием дорогих всем евреям имен праматерей их Рахили и

Лии (первой называется Рахиль, как любимая жена Иакова, ср. [Быт. 29:31, 48:7](#) и др.). Сомнительно предположение блаженного Феодорита (там же), будто эти слова благословения дают мысль, что у Вооза была и другая жена. Упоминание о Фаресе (ср. [Быт. 38:29, 46:12](#)) тем более уместно, что с него начинается (ст. 18) родословие Вооза.

[Руф.4:13](#). И взял Вооз Руфь, и она сделалась его женою. И вошел он к ней, и Господь дал ей беременность, и она родила сына.

Благословение Божье на браке Вооза и Руфи сказалось беременностью последней и рождением сына, который вифлеемскими женщинами, конечно, не без участия родителей, назван был Овидом (ст. 17), с евр. *obed* – служащий, т.е. Богу и людям.

[Руф.4:14](#). И говорили женщины Ноемини: благословен Господь, что Он не оставил тебя ныне без наследника! И да будет славно имя его в Израиле!

[Руф.4:15](#). Он будет тебе отрадою и питателем в старости твоей, ибо его родила сноха твоя, которая любит тебя, которая для тебя лучше семи сыновей.

[Руф.4:16](#). И взяла Ноеминь дитя сие, и носила его в объятиях своих, и была ему нянькою.

Смысл имени объясняется в этих заключительных стихах, почти исключительно посвященных Ноемини, некогда по воле промысла Божия имевшей испытания ([Руф. 1:13, 20](#)), а ныне судьбами того же промысла получившей великое утешение – близкого родственника (*gël*), отраду и питателя – в Овиде. «Сие по буквальному разумению означает утешение Ноемини, по самой же истине – обращение вселенной. Ибо отсюда процвело спасение вселенной» (блаженный Феодорит, с. 319).

[Руф.4:18](#). И вот род Фаресов: Фарес родил Есрома;

[Руф.4:19](#). Есром родил Арама; Арам родил Аминадава;

[Руф.4:20](#). Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона;

[Руф.4:21](#). Салмон родил Вооза; Вооз родил Овида;

[Руф.4:22](#). Овид родил Иессея; Иессей родил Давида.

В родословии этом возможно предположить пропуски отдельных имен и поколений: трудно допустить, чтобы на протяжении почти тысячелетия от Фареса до Давида сменились лишь 9–10 поколений (ср. [1Пар. 2:9–15](#)). Но мессианская идея, выразившаяся как в этом родословии (ср. [Мф. 1:3](#); [Лк. 3:31–33](#)), так и в изображаемом книгой Руфь вступлении язычницы в церковь ветхозаветную, сообщает всей книге Руфь великую важность⁸.

Профессор Киевской духовной Академии, магистр богословия,

священник А.А. Глаголев.

Примечания

В новое время, между другими, известный историк еврейской литературы Густав Карпелес признает, что «рассказ о Руфи» (т. е. книга Руфь) с самого начала входил в книгу Судей (составляя заключительную часть ее повествований), и что только впоследствии книга Руфь подверглась отделению от нее и включению в состав агиографов. Г. Карпелес. История еврейской литературы. Перев. под ред. А. Я. Гаркави Т. I. СПб. 1896, с. 41 и 50. Но легче понять обратное – перенесение кн. Руфь из ряда агиографов в раздел исторических книг, чем предполагаемое здесь искусственное отделение части (рассказ Руфи) от целого (кн. Судей) с произвольным перенесением первой в 3-ю часть ветхозаветного канона

Проф. А. А. Олесницкий. Руководственные о священном писании
Ветхого и Нового Завета сведения из творений отцов и учителей Церкви.
Спб. 1894 г., с., 43

W. Nowack. Richter-Ruth. 1909, s. 186. Ср. проф. И. О. Мухина. Состояние Палестины и Финикии в XV веке до нашей эры... Киев, 1899 г., с. 35

Многие библеисты критического направления (напр., Smend, Nowack, Benzinger) признают так называемый матриархат или матриархальную эпоху, предшествовавшую, будто бы, патриархальной: если в последнюю заправляющее значение в семье имел отец, то в первую – исключительно мать. Но Библия не знает такой культурно-исторической ступени развития семьи и общежития, а просто признает факт изначального высокого значения матери в семье патриархальной наряду с первенствующим значением отца-патриарха (ср., напр. [Быт. 16:1](#), 21 и др.). Мидраш (ч. 21) в пояснение выражения «дом матери» (ст. 8) говорит: «язычник не имеет отца»

«Поступком своим, – поясняет слова Вооза Руфи (ст. 10) блаженный Феодорит, – показала ты, что не вожделению поработившись сделала сие: иначе бы пошла к юновозрастным, рассуждая не о богатстве, не о нищете, а только об удовлетворении сластолюбия. Напротив того, пришла ты к человеку, который по летам может быть тебе отцом. Ибо сие означает слово «дщи» (Отв. на 2 вопр. на кн. Руфь, с. 316–317)

Право Ноемини или собственно Руфи продать участок умершего мужа подтверждает Талмуд говоря: «ожидающая деверя получила имущество: школы Шаммая и Гиллея согласны в том, что она продает и дарит, и сделка действительна». Мишна. Иевамот IV, 8 (рус. перев. Н. Переферковича. Спб. 1900 г., с. 38)

Акт халицы и порядок ее помещены в прибавлении к русскому переводу тр. Иевамот (Спб. 1900 г), с. 103–109

Не лишено значения то обстоятельство, что кн. Руфь издревле читается у евреев в праздник Пятидесятницы – праздник не только жатвы (о которой говорится в книге), но и дарования закона на Синае, который, по Мидрашу, был возведен всем народам, но не был ими принят. Новозаветная Пятидесятница, сменившая Ветхозаветную, есть праздник излияния Духа Божия на всякую плоть ([Иоил. 2:28](#); [Деян. 2:17](#)). Область Мааха лежала на севере Заиорданской страны при подошве Ермона ([Втор. 3:14](#); [Нав. 13:13](#)).

*

Приятная

**

Горькая